

Д о к л а д ы

Р. И. А ВА НЕ СО В и С. Б. Б ЕРНШТЕЙН

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
ГЕОГРАФИЯ
И СТРУКТУРА ЯЗЫКА**

**О ПРИНЦИПАХ ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АТЛАСА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

М о с к в а 1 9 5 8

A
A-18

БИБЛИОТЕКА
Института
Языкоизучания
А. Н. СССР

52963

■

§ 1. Лингвистическая география имеет свою хотя и не очень длительную, но уже богатую историю. История эта еще недостаточно изучена. Что же касается теоретических основ лингвистической географии, то приходится признать, что многие из относящихся к ним вопросов еще не до конца выяснены. Недостаточно ясным, в частности, является вопрос об отношении лингвистической географии к структуре языка. Между тем изучение этого вопроса, как и вообще теории лингвистической географии, которая представляет большой интерес сама по себе, в настоящее время приобретает особенное значение в связи с тем, что исследование языков в географическом аспекте распространяется все шире, применяется к языкам, которые ранее с этой точки зрения мало изучались или не изучались вовсе. Известно, что в течение ряда последних лет широко развернулась работа по составлению лингвистических атласов отдельных славянских языков. Ведутся большие работы и по другим языкам. Естественно, что новые исследования в области лингвистической географии в отношении своих теоретических основ должны строиться на базе современной теории языка.

Следует отметить, что за последнее время наряду с задачей создания атласов отдельных языков возникла новая задача — задача создания атласов больших или меньших групп близко родственных языков (например, общеславянского лингвистического атласа, а также атласов западнославянских и восточнославянских языков). Само собой разумеется, что конкретным работам по составлению таких атласов должна предшествовать серьезная теоретическая разработка вопроса, так как без такой разработки не может быть установлено, что должно быть предметом

картиграфирований в таких атласах и, следовательно, не может быть рационально составлена программа (вопросник) для сортирования материала, на основе которого подобный атлас будет составлен, не может быть установлена сетка обследования населенных пунктов по отдельным языкам, определены методы обследования, характер транскрипции и т. д. Одновременно в связи с этим перед исследователями возникает ряд новых и нелегких задач методического и технического порядка, разработка которых также должна предшествовать непосредственной работе по составлению таких атласов.

§ 2. Лингвистическая география имеет дело с существующими современными фактами языка на разных территориях. Однако она имеет право на существование едва ли не ввиду ее исключительно большого значения для генетического, диахронического языкоznания.

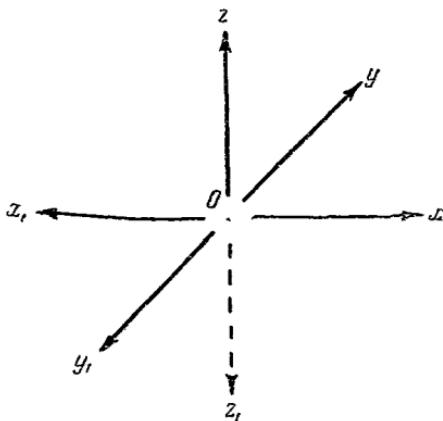
Предметом лингвистической географии, как и вообще диалектологии, обычно являются какие-то соотносительные явления языка на разных территориях. Однако если в практике лингвистической географии, как и в диалектологии вообще, до последнего времени эти соотносительные явления изучались, как правило, изолированно, вне связи с системой языка в целом, то в настоящее время возникает задача изучения их как элементов системы языка.

Характер соотносительности диалектных явлений может быть весьма различным в зависимости от того, в каких отношениях друг к другу находится система языка в разных пунктах картиграфируемой территории. Поэтому можно утверждать, что предмет лингвистической географии в каждом отдельном случае (в более общем смысле — в атласе отдельного языка, в более частном конкретном смысле — в отдельной лингвистической карте) определяется взаимоотношениями системы языка на картиграфируемой территории. Так как применение понятия системы языка к диалектологии и в особенности к лингвистической географии не имеет еще прочной традиции, необходимо сделать краткие пояснения к понятию системы языка.

§ 3. Понятие системы языка обычно выводится на основе одного признака — синхронности ее элементов. Иными словами, система языка мыслится как величина даже не «линейная», имеющая одно измерение, одну координату, а как величина «точечная», не имеющая координат.

Между тем она имеет, кроме признака времени, и ряд других признаков, например, относительность к той или другой территории, иначе к одному из социально-территориальных коллективов, относительность к тому или к другому стилю речи. Признак времени в понятии системы языка — синхронность — является признаком неизменным и конститутивным, так как существующие в данный момент разновременные по своему происхождению варианты одного явления, как правило, имеют территориальную, социальную или стилистическую мотивировку, а в тех случаях, когда такой мотивировки не оказывается, они являются равноправными факультативными элементами системы. Иными словами, он не образует координаты. В противоположность этому другие признаки — относительность к одному социально-территориальному коллективу и к одному типу или стилю речи — являются признаками изменчивыми, переменными, то есть образуют координаты. Только при учете всех координат понятия системы языка последнее станет объемным и будет адекватно существующему в действительности объекту лингвистического изучения.

Сказанное может быть представлено графически:

Точка o здесь указывает: а) на современность; б) на внeterриториальный нормализованный тип языка; в) на нейтральный стиль, иначе, на стилистически не окрашенную речь.

X указывает на координату территориальную (диалектную): направления $o - x$ и $o - x_1$ — на разные ди-

лекты, на накопление полярных диалектных различий. Практически в языках может быть не два, а больше направлений диалектных противопоставлений.

В приведенной схеме y указывает на координату стиля: направление $o - y$ — от нейтрального стиля к стилям повышенным, а направление $o - y_1$ — от нейтрального стиля к стилям пониженным.

Наконец, z указывает на координату времени (важную для диахронического языкознания): направление $o - z$ — от современности к прошлому, а направление $o - z_1$ — от современности к будущему. История языка обычно имеет дело с первым направлением. Лингвистическая география, как и описательная диалектология вообще, оперирует — по отношению к координате времени — лишь точкой o .

Лингвистическая география имеет дело с элементами системы языка на разных территориях, точнее — с фактами монохронными, т. е. существующими в одно время и при этом в настоящее время (по отношению к исследователю). Поэтому третья координата (z) в схеме — координата времени — для лингвистической географии не существует. Вопрос о понятии системы языка по отношению к полихронии, к разным эпохам, точнее, вопрос о полихронных вариантах системы языка, о характере соотношения полихронных различительных элементов системы языка относится к области истории языка, и его разработка является одной из важнейших современных задач истории языка как науки.

Лингвистическая география проходит мимо не только координаты времени, но также, как правило, координаты стиля. Поэтому вторая координата (y) — координата стиля — для лингвистической географии обычно оказывается несущественной. Лингвистическая география обычно имеет дело с фактами языка нейтрального стиля, т. е. с обычной обиходной речью. Вопрос о понятии системы языка по отношению к стилистическому многообразию отдельного языка в определенную эпоху его развития, о стилистических вариантах системы языка, о характере соотношений стилистических различительных элементов системы языка относится к области стилистики и в настоящее время совершенно не разработан.

Проходя мимо координат времени и не затрагивая, как правило, координаты стиля, лингвистическая геогра-

фия нейтрализует их, соприкасаясь с ними лишь в точке *о* приведенной схемы (современная исследователю стилистически неокрашенная речь). В связи с этим можно констатировать, что специфика лингвистической географии заключается в координате территориальной (*x*).

Система языка в разных пунктах картографируемой территории обычно оказывается тождественной в одних своих звеньях (элементах) и различающейся в других. Это дает право говорить о языке народа в аспекте территориальном как о сложной системе или системе частных систем, включающей в свой состав черты общие, тождественные в любой частной системе, и черты различительные, специфические для разных частных систем. Уже сейчас провизорно можно сформулировать, что различительные (в аспекте территориальном) элементы системы языка являются основным объектом лингвистической географии.

§ 4. Все многообразие различительных элементов диалектов и языков в зависимости от характера той общности, на основе которой выделяется различное, видимо, может быть сведено к трем типам:

а) различительные элементы, основанные на материальной общности, а именно на общности морфем, слов, определенных (более или менее устойчивых) сочетаний слов;

б) различительные элементы, основанные на общности функционально-семантической;

в) различительные элементы структурно-типологические, основанные не на материальной общности, не на общности функционально-семантической (в плане конкретно лексическом), а на общности занимаемого ими места в структуре языка.

Различительные элементы, основанные на материальной общности, могут быть весьма разнообразны: они могут относиться к фонетической системе, флексии, словообразованию, к элементам фразеологии (точнее, к синтаксическим конструкциям, ограниченным в лексическом отношении), к семантике слова, к лексике (а именно к фонематическому, акцентологическому, грамматическому оформлению слова). Подобного рода различительные элементы сами по себе свидетельствуют прежде всего о генетических связях, так как они обычно бывают в родственных языках. Различительные элементы, основанные на материальной

общности, одновременно нередко бывают в какой-то мере и структурно-типологическими, так как они свидетельствуют о более или менее заметных различиях в структуре языка.

Различительные элементы, основанные на общности функционально-семантической, обычно относятся к лексике в собственном смысле, т. е. к материально различным названиям одних и тех же понятий и предметов. Подобного рода различительные элементы, в отличие от различительных элементов, основанных на материальной общности, сами по себе не свидетельствуют о генетической общности диалектов и языков, хотя они часто бывают и в языках родственных.

Различительные элементы структурно-типологические могут относиться к звуковой и морфологической стороне языка, а также к синтаксическим моделям. Ср., например, аффрикаты в языках Восточной Европы, палатализацию согласных в языках Восточной и Центральной Европы, смычно-гортанные согласные в языках Кавказа, наличие инфинитива и его замену описательной конструкцией в языках Балканского полуострова и т. д. Элементы подобного рода, не основанные одновременно на общности материальной, обычно свидетельствуют о структурно-типологическом сходстве и различиях и тем самым о разного рода связях и взаимодействиях между разноязычными народами, в связи с чем встречаются чаще всего в языковых союзах, занимающих определенные компактные территории.

§ 5. Соотношения общих и различительных (в аспекте территориальном) элементов системы языка могут быть весьма различными в разных языках в зависимости от специфики строя их диалектов (ср., например, русские диалекты и диалекты немецкие или итальянские). Эти соотношения зависят также от объема привлекаемого материала. Например, они одни, если мы изучаем различия между рязанскими говорами, другие, если мы изучаем различия между диалектами русского языка, трети, если мы изучаем различия между восточнославянскими языками; наконец, они будут иными, если мы привлечем материал всех славянских языков.

На одном полюсе здесь мы констатируем единую сложную систему, имеющую различительные элементы (таков,

например, русский язык в его диалектах), на другом — разные системы, имеющие общие элементы (например, в группе близко родственных языков). Этот второй полюс представляет существенный интерес при создании атласа группы родственных языков (например, славянских). Указанное разграничение (одна система, имеющая различительные элементы, и разные системы, имеющие общие элементы) не совпадает с разграничением конкретного языка, с одной стороны, и группы близко родственных языков — с другой. Возможны разные языки, которым свойственна одна система, имеющая различительные элементы; точно так же имеется немало отдельных конкретных языков, диалектам которых свойственны разные системы, имеющие общие элементы (многие языки Северного Кавказа, армянский язык). Возможны и многие промежуточные случаи, когда мы затрудняемся установить, что это — одна система, имеющая различительные элементы, или разные системы, имеющие общие элементы.

Выдвигая данные положения, мы должны подчеркнуть, что принципиально следует различать аспекты социально-исторический (вопрос о разграничении языков и диалектов, связанный с проблемой исторической и культурной общности населения на разных территориях, с его национальным самосознанием и самооценкой), с одной стороны, и структурно-языковой (вопрос о системе языка и его местных вариантах) — с другой. В настоящем изложении мы имеем в виду только этот последний аспект.

§ 6. В той мере, в какой существует единая система с различными элементами, соотносительность между различительными элементами, основанная на материальной общности, в принципе синхронична, т. е. поконится на синхроническом тожестве разнодиалектных или разноязычных элементов структуры языка.

Напротив, в той мере, в какой существуют разные системы с общими элементами, соотносительность между занимающими в этих разных системах одно и то же место элементами, основанными на материальной общности, в принципе историческая, диахроническая, т. е. поконится на диахроническом тожестве разнодиалектных или разноязычных элементов структуры языка (языков).

За синхроническое тожество мы принимаем взаимное отожествление представителями данных диалектов своих

диалектных вариантов соответствующим вариантам других диалектов, и наоборот. При отсутствии такого взаимного тожественности мы констатируем тожество диахроническое. Ср., например, русск. *нос*, польск. *nos*, чешск. *nos* и т. д., и русск. *ряд*, польск. *rząd*, чешск. *řád* и т. д., — которые разошлись не только в звуковом оформлении, но и имеют много различных значений. В первом случае перед нами тожество не только диахроническое, но и синхроническое, во втором — при синхроническом различии имеется диахроническое тожество, так как все многообразие звукового оформления и все многообразие значений этих слов русского, польского и чешского языков восходит к одной и той же в прошлом корневой морфеме, имевшей единый состав фонем и единое значение.

Соотносительность между различительными элементами единой системы языка или между элементами, занимающими в разных системах одно и то же место, образует то, что мы называем *соответственным явлением*. Таким образом, последнее имеется как при синхроническом, так и при диахроническом тожестве, хотя характер его в том и другом случае будет коренным образом различен.

Соответственное явление представляет собой такой элемент системы данного языка или систем группы родственных языков, который в разных частных диалектных системах (или в разных родственных языках) выступает в своих разных проявлениях, в разных своих членах. Поэтому соответственное явление всегда двучленно или многочленно. При этом члены одного соответственного явления в принципе исключают друг друга в одной частной диалектной системе или в системе одного из родственных языков и, напротив, замещают друг друга в разных частных диалектных системах или в системах разных родственных языков, образуя своего рода тожество в каком-либо отношении (например, в функциональном или в отношении звукового оформления).

Синхроническое тожество охватывает совокупность таких различительных вариантов (т. е. членов соответственного явления, взаимно исключающих друг друга в одной частной системе и заменяющих друг друга в разных частных системах), которые представителями разных или всех диалектов данного языка принимаются за тожество, несмотря на различия, обусловленные свойственными

отдельным частным системам специфическими диалектными чертами.

Синхроническое тожество основано на регулярности, последовательности проведения фонетических и морфологических закономерностей в одних и тех же тожественных морфемах и морфологических категориях без какого бы то ни было ограничения по отношению к словарному составу. В области семантики оно основано на фонематическом (в широком смысле слова, т. е. по отношению к слову и морфеме) тожестве звуковой стороны слова (при различии в значениях). В области лексики оно может быть основано на фонематическом и семантическом тожестве вещественной части слова (при различии в словообразовательном или морфологическом оформлении слова).

Диахроническое тожество есть совокупность таких соответствующих друг другу разнодиалектных или разноязычных вариантов (т. е. членов соответственного явления), которые представителями другого диалекта или языка непосредственно не принимаются за тожество (за эквивалент соответствующему своему варианту) в силу того, что различия в них нерегулярны или представляются нерегулярными с точки зрения синхронных отношений, или в силу того, что звуковое оформление вещественной части слова в разных диалектах или языках в такой степени изменилось, что стало неузнаваемым, а также — при наличии тожества в звуковой стороне слова — в силу того, что значения, связанные с данным звуковым комплексом в разных диалектах или языках, до такой степени разошлись, что уже не имеют ничего общего.

Члены соответственного явления при диахроническом тожестве в одних случаях представляют результаты разных путей развития одной и той же исходной формы, в других — последовательные этапы, одного пути развития праформы.

Ко всему сказанному выше следует еще добавить, что тожество синхроническое и тожество диахроническое могут сосуществовать в структуре отдельного языка в его диалектах. Например, в русском языке с его диалектами, очень близкими друг другу, преобладает синхроническое тожество, хотя имеются также и элементы, основанные на диахроническом тожестве. Последних окажется значительно больше в языках, диалекты которых по своей структуре

имеют более глубокие различия (например, в диалектах словенского языка). В системах группы даже близко родственных языков преобладающим, видимо, окажется тожество диахроническое, хотя в них могут быть также элементы, покоящиеся на соотносительности синхронической.

Кроме того, из всего сказанного нетрудно сделать вывод, что тожество диахроническое обычно образуется из тожества синхронического. Условия его образования многообразны. Для первоначально фонетических явлений существенным оказывается утрата регулярности и последовательности в проведении звуковой закономерности в любых словах, утрата позиционной обусловленности. В связи с утратой регулярности синхроническое фонетическое тожество может переродиться, с одной стороны, в диахроническое фонетическое тожество, с другой — в синхроническое морфологическое, словообразовательное или лексическое тожество.

§ 7. Развличительные элементы диалектов и родственных языков в значительной своей части образуются разными членами одного соответственного явления и потому являются *противопоставленными*. Однако, кроме них, имеются также различительные элементы диалектов и родственных языков, не образующие соответственных явлений и потому *не противопоставленные*. Они чаще всего связаны с различными на разных территориях условиями природы, с неодинаковыми на разных территориях специфическими явлениями, относящимися к материальной и духовной культуре, к исторически сложившимся понятиям. В этих случаях констатируется наличие специфического слова на данной территории и его отсутствие на другой ввиду отсутствия на этой последней соответствующего предмета или понятия. Таким образом, не противопоставленные различительные элементы языка обычно относятся к лексике, но они вообще, видимо, могут быть также и в области грамматического строя, а также, возможно, и фонетической системы.

С противопоставленными лексическими различиями — разными на разных территориях названиями одних и тех же предметов и понятий — не следует смешивать многочисленные случаи, когда на разных территориях существуют разные слова, обозначающие разные предметы, в функциональном отношении сходные или даже тожественные. Та-

ковы, например, в русских диалектах слова *торба* и *хрептук*, которые обозначают разные предметы, служащие для кормления лошади («мешок» в первом случае и «полотнище» во втором). Таковы же в русских диалектах слова *кринка* и *махотка*, *коромысло* и *хлуд*, *зыбка* и *качка*, так как они могут обозначать разные предметы. Следует иметь в виду, что в этих и подобных случаях противопоставление собственно языковое отсутствует, а имеется противопоставление предметов, реалий, характеризующее материальную культуру, различную на разных территориях. Таким образом, приведенные выше слова образуют различительные признаки непротивопоставленные. Чем обширнее территория атласа, разнообразнее природные условия — ландшафт, растительный покров, рельеф, водные ресурсы, климат и т. д., чем разнообразнее материальная культура на этой территории и исторически сложившийся круг понятий, тем в большей степени придется иметь дело с различительными элементами языка непротивопоставленными. Естественно, что их обычно меньше при противопоставлении говоров в пределах одного диалекта, больше при противопоставлении диалектов данного языка и еще больше при противопоставлении близко родственных языков. Естественно также, что в пределах диалектов одного языка непротивопоставленные различительные элементы могут занимать весьма различное место — сравнительно скромное в одних языках и очень заметное в других, причем это связано с отмеченными выше условиями.

Само собой разумеется, что изложенные теоретические положения, как и основанные на них принципы общеславянского атласа и соображения о методике и организации работы по его созданию, составившие предмет дальнейшего изложения, сформулированы в порядке первоначальной постановки вопроса и должны подвергнуться дальнейшей более углубленной разработке после широкого обсуждения.

II

§ 1. Несмотря на то, что все славянские языки очень близки друг к другу по своему строю и многим элементам лексики, все же каждый из них образует свою специфиче-

скую самостоятельную систему. Все славянские языки в большей или меньшей степени имеют общие элементы. Именно эти общие элементы представляют собой необходимую предпосылку составления атласа, хотя сами они, как черты общие, не могут быть предметом картографирования.

Предметом картографирования в общеславянском лингвистическом атласе являются соотносительные элементы разных языковых систем в отличие от лингвистического атласа такого одного языка, диалекты которого составляют одну систему, где поэтому предметом картографирования по большей части являются соотносительные элементы данной системы. Этим обстоятельством определяются коренные различия между частным атласом (т. е. атласом, посвященным одному языку) и общим атласом (т. е. атласом, посвященным группе родственных языков). Однако это разграничение, как и вообще всякое разграничение, относящееся к системе языка, не может быть прямолинейно навязано любому языковому материалу. Системы отдельных славянских языков в их диалектах глубоко различны. Одни из славянских языков представляют собою в основном единую систему, различающуюся по диалектам лишь в отдельных своих звеньях (например, русский, польский). В других славянских языках диалектные различия значительно более глубокие, в связи с чем получается положение, при котором отдельные диалекты по своему строю в той или иной степени приближаются к самостоятельным языковым системам (например, штокавские и чакавские говоры сербохорватского языка).

Итак, между общим славянским лингвистическим атласом, с одной стороны, и частными — с другой, имеются существенные различия. Различными во многом будут задачи, будет коренным образом отличаться программа (вопросник), возможны некоторые различия в методах сбора материала, в транскрипции.

Чем же будут различаться задачи частных славянских лингвистических атласов и общеславянского лингвистического атласа? Изоглоссы частного атласа должны дать материал для изучения истории данного языка. Изоглоссы общеславянского атласа должны дать материал для изучения истории взаимоотношений между славянскими языками в различные более древние исторические эпохи, для изучения общеславянских процессов (например, ко-

личественных и интонационных отношений, категории твердости — мягкости согласных, двойственного числа и мн. др.), а также, что особенно важно, для изучения диалектных различий праславянского языка. Таким образом, общеславянский атлас может способствовать решению тех задач, которые стоят перед специалистами по сравнительной грамматике славянских языков.

§ 2. Лингвистическая география имеет дело с соотносительными элементами системы языка, образующими междиалектные или межъязыковые различия. Как указывалось выше, в зависимости от той общности, на основе которой выделяются эти различия, последние бывают трех типов: а) различия, основанные на общности материальной; б) различия, основанные на общности функционально-семантической; в) различия структурно-типологические. Рассмотрим подробнее эти типы.

а) Различительные элементы системы языка, основанные на материальной общности, отличаются большим многообразием — они могут относиться к любой стороне строя языка, за исключением синтаксиса в собственном смысле слова, т. е. «свободного» синтаксиса, не связанного с определенным кругом лексики или отдельными словами. Среди них могут быть явления, основанные на синхроническом тожестве. Однако в силу того, что в общеславянском атласе речь идет обычно о соотносительных элементах разных систем, больше всего, по-видимому, окажется таких явлений, которые основаны на тожестве диахроническом. В связи с этим в программе могут оказаться вопросы, которые будут сформулированы следующим образом: «Что произносится на месте праславянского *ə* в таких-то словах», или «Какие отличия имеют такие-то существительные основы на *-a* в данном падеже», или «Имеется ли слово, восходящее к праславянскому *rōsъ* с теми или иными словообразовательными элементами; если имеется, то как произносится и что обозначает», или «Имеется ли слово, восходящее к праславянскому *dervъ* (*dъrvъ*); если имеется, то как произносится и что обозначает» (ср., например, russk. дерево,польск. *drzewo*, чешск. *dřevo* (материал), болг. *дърво*, макед. *дрво*, срж. *đrvo*).

Здесь следует особо отметить, что при наличии синхронических соотношений, т. е. когда картографируются

различительные элементы общей системы, фонетические и морфологические явления часто бывают лексически не ограничены. Этим определяются многие особенности частных атласов славянских языков (например, атласа русских диалектов). В противоположность этому при диахронических соотношениях они в большей или меньшей степени могут быть ограничены определенным кругом лексики, вплоть до одного слова. Вот почему в общеславянском лингвистическом атласе значительно большую роль, чем в атласах частных (в особенности таких, диалекты которых очень близки друг другу), будет играть картографирование отдельных слов в их разных аспектах — фонетическом, морфологическом, словообразовательном, лексическом, семантическом. Поэтому при составлении программы (вопросника) особенно большое значение будет иметь правильный подбор словарного материала. При выделении языковых различий фонетического характера необходимо иметь в виду следующее обстоятельство. Как уже говорилось, общеславянский лингвистический атлас имеет дело с соотносительными элементами разных языковых систем. Естественно, что он не может отразить всего многообразия судеб каждого элемента праславянской системы на почве отдельных славянских языков. Отсюда вытекает следующая важная особенность программы (вопросника) общеславянского атласа: вопросы должны охватить не историю данного явления в целом, безотносительно к словарному составу, с учетом всех позиционных условий, а историю данного явления в данном слове (или данных словах) только в тех позициях, в которых изучаемое явление в этом слове представлено.

В области морфологического строя славянские языки представляют много существенных различий, в отдельных случаях относящихся еще к праславянскому периоду. Много различий находим в области именного и местоименного склонения, глагола, причастий. В некоторых случаях различия настолько велики, что уже отсутствует соотносительность на основе синхронического тожества (например, в области склонения). Болгарский и македонский языки не знают вообще падежных форм. Естественно, что материал этих языков, как правило, будет отсутствовать вообще при изучении именного склонения.

При изучении типов диалектных различий в области морфологии необходимо обратить внимание на особенности группировки склонения, на взаимодействие твердых и мягких вариантов склонения, на различия во флексиях, на категории одушевленности и личности.

Необходимо последовательно разграничивать чисто морфологические явления от явлений, которые требуют фонетической интерпретации.

Как известно, еще на почве праславянского языка в некоторых его диалектах (восточных и западных) флексия творительного единственного основ на -о была заменена флексией основ на -й. Отсюда польск. *bratem*, чешск. *bratrem*, русск. *братом* (из *братьъмъ*). В южнославянских языках сохранилась форма на -ом (ср. сербск. *братом*). Если интерпретировать факты типа *братом* — *bratem* как чисто морфологические, то атлас даst искаженное представление о данном явлении, так как словацкий и восточнославянские языки по этому признаку объединяются с южнославянскими. Очевидно, соответствующий материал может быть использован в разделе фонетики (судьба ъ в «сильной» позиции). В чисто морфологическом аспекте творительный единственного может быть представлен в случаях противопоставления русского *рукой*, чешского *rukou*, польского *ręka*, с одной стороны, сербохорватскому *руком* — с другой.

Также необходимо при изучении типов диалектных различий отличать собственно морфологическое явление от лексикализованного морфологического явления, т. е. свободное употребление флексии от употребления флексии в строго ограниченном круге лексики. С таким употреблением форм мы особенно часто сталкиваемся в склонении, реже — в спряжении.

Учитывая задачи общеславянского атласа, необходимо обратить особое внимание на те стороны морфологии, которые в какой-то степени свидетельствуют о древних различиях славянских языков, восходящих иногда к праславянской эпохе. В этом плане большой интерес представляют древние диалектные различия падежных флексий, процесс обобщения флексии по грамматическому роду, процесс обобщения твердых и мягких вариантов склонения, категория одушевленности в склонении, диалектные различия в области ряда глагольных флексий.

и мн. др. Нет сомнения, что и многие морфологические различия позднего периода должны найти место в общеславянском лингвистическом атласе. Однако они могут представить интерес только в том случае, если не носят изолированного характера, свойственного одному диалекту или одному славянскому языку. Так, с точки зрения задач общеславянского атласа едва ли могут представить большой интерес такие локальные процессы, как развитие в русском языке форм именительного множественного типа *городá*, развитие в сербохорватском формы родительного множественного типа *жéнáй* и аналогичные факты.

Большое место в общеславянском лингвистическом атласе должно быть уделено словообразованию, так как различия в этой области по славянским языкам очень разнообразны и в некоторых случаях восходят еще к праславянской эпохе. Здесь, например, можно указать на существенные различия в употреблении агентивных суффиксов в определенных словах (ср. russk. *рыбак*, белорусск. *рыбак*, укр. *рибалка*,польск. *rybak* (но и *rybiarz*), чешск. *rybář*, словацк. *rybár*, болг. *рибар*, срх. *рýбар*, слов. *ribič* (реже *ribar*).

Интересный материал может дать картографирование уменьшительных суффиксов, ряда глагольных приставок и т. д. При работе над общеславянским лингвистическим атласом, в частности при составлении программы (вопросника), следует по возможности четко разграничивать «свободное» употребление словообразовательных элементов (характеризующих продуктивные типы словообразования) и их «связанное» употребление, т. е. употребление только с определенными корневыми морфемами и даже в некоторых случаях с одной корневой морфемой (непродуктивные типы словообразования).

Для общеславянского лингвистического атласа важны различия в области «фразеологии», точнее, в синтаксических конструкциях, ограниченных в лексическом отношении (например, предложное управление, ср. russk. *идти в гору*,польск. *iść w góre*, но russk. *идти в школу* ипольск. *iść do szkoły*).

Не менее важно установление различий во фразеологии в собственном смысле слова, так как некоторые элементы славянской фразеологии восходят к весьма древ-

ним эпохам (ср., например, русск. *идет дождь*, польск. *pada deszcz*, чешск. *prší dešť*, словац. *prší dážď*, болг. *вали дъжд* (диал. *лети дъжд*), срх. *пада киша* (диал. *пада дажд*), слов. *gre dež*).

Одним из основных различий из числа строящихся на общности материальной, выделяемой на основе диахронического тожества, является различие в значении одного и того же с этимологической точки зрения слова (ср., русск. *чёрственный* и чешск. *čerstvý* «свежий»; русск. *гора* и болг. *гора* «лес»; русск. *жаба* и чешск. *žába* «лягушка», «молоденькая девушка»; русск. *губа* и польск. *gęba* «рот», «морда»; русск. *хитрый* и слов. *hiter* «скорый», «быстрый» и т. д.). Аналогичных примеров можно привести очень много. Подобные различия можно обнаружить и в диалектах одного языка (ср. русск. *пахать* «обрабатывать почву» и «мести пол».) Составители программы должны учесть, что многие различия в значениях развились сравнительно недавно в связи с различными обстоятельствами. Целесообразно в программу включить те слова, различие в значениях которых относится к более ранним эпохам. Здесь следует привлечь данные славянской этимологии, что потребует большой предварительной работы. Также большой работы потребует раздел программы, посвященный ударению.

К различиям в области лексики относятся также и те, которые характеризуют своеобразие морфологического оформления слов (ср., например, русск. *зверь*, род. п. *зверя* (муж. р.) и *звери* (жен. р.), болг. *пот*, чл. ф. *потта* (жен. р.) и *пота* (муж. р.). Подобных различий между славянскими языками будет очень много.

Заемствованные слова вообще имеют меньшее значения для общеславянского лингвистического атласа. Это прежде всего относится к заемствованиям нового времени. Однако и более старые заемствования (татарские в русском, турецкие в болгарском, итальянские в словенском, немецкие в чешском и т. д.) мало что могут дать для решения тех задач, которые стоят перед составителями общеславянского атласа, ввиду узколокального характера этих заемствований. Иное дело древнейшие заемствования, в особенности относящиеся к праславянской эпохе. Так, картирование древнейших германизмов может дать ценный материал для характеристики диалектных различий праславянского языка.

б) Различительные элементы системы языка, основанные на общности функционально-семантической, должны охватить прежде всего такие группы слов (образующих соответственные явления), члены которых обозначают один и тот же предмет, одно и то же понятие. Функционально-семантическое тожество может быть обеспечено в первую очередь для определенных групп имен существительных предметного значения, в особенности относящихся к сфере природы. Могут быть также охвачены некоторые группы слов, относящихся к общественной жизни человека, культуре, а именно те из них, которые характеризуют понятия общие для общественной жизни и культуры славянских народов, а не частные и специфические для отдельных народов. Следует, однако, помнить, что в этом случае очень трудно обеспечить функционально-семантическое тожество.

Поэтому должен быть проведен строгий отбор материала. При составлении соответствующих разделов программы необходимо всесторонне учитывать данные славянской этнографии и истории.

Вопросы в этой части программы формулируются по принципу «Как называется тот или иной предмет, то или иное понятие».

Перечислим некоторые группы предметов и понятий, относящихся к сфере природы.

- 1) Домашние птицы: петух, курица, цыпленок и т. д.
- 2) Дикие птицы: воробей, соловей, голубь и т. д.
- 3) Домашние животные: собака, кобель, сука и т. д.
- 4) Дикие животные: волк, медведь, заяц и т. д.

По отношению к домашней птице, домашним и диким животным необходимо получить сведения об общих названиях данной птицы или животного, об их названиях по половому признаку и об общих названиях детенышей (молодых особей); по отношению к домашним животным также необходимо получить названия для холощеных мужских особей. Следует иметь в виду, что ценный материал для картографирования могут дать названия тех птиц и животных, которые имеют сравнительно небольшое значение в хозяйстве (ср., например, различные названия «белки» в славянских языках; напротив, название «коровы» во всех славянских языках будет общим).

- 5) Части тела птиц и животных (с указанием по отно-

шению к какому именно животному или птице употребляется то или иное название).

- 6) Рыбы: щука, лещ, окунь и т. д.
- 7) Деревья: сосна, ель, береза и т. д.
- 8) Ягоды: малина, ежевика, земляника и т. д.
- 9) Плоды: яблоко, груша, вишня и т. д.
- 10) Овощи и зелень: капуста, огурец, горох и т. д.
- 11) Злаки и технические культуры: пшеница, рожь, лен и т. д.
- 12) Цветы: ромашка, василек, незабудка и т. д.
- 13) Водные пространства: река, озеро, пруд и т. д.
- 14) Рельеф и растительность: лес (хвойный, лиственный, смешанный), гора (покрытая лесом и лишенная леса), холм и т. д.
- 15) Явления природы: дождь, туча, радуга и т. д.
- 16) Металлы и минералы: железо, медь, кремень и т. д.

Особый раздел в этой части программы должны занять слова, относящиеся к отдельным частям человеческого тела и внутренним органам человека.

Из понятий, относящихся к сфере культуры, в программу общеславянского лингвистического атласа могут быть включены такие, как «пастух», «кузнец» и др.

Следует специально исследовать, в какой мере программа общеславянского лингвистического атласа должна охватить названия понятий, связанных с такими древними промыслами, как ткачество и гончарное дело. Возможно, что слова, относящиеся к орудиям производства следует охватить в большей степени, чем слова, связанные с продуктами труда, так как для первых в большей степени можно обеспечить функционально-семантическое тожество.

Существенно охватить в программе, хотя и небольшую, но важную группу глаголов производственного значения, обозначающих такие понятия, как: пахать, боронить, сеять, полоть; сучить (нитку), ткать; дергать (лен) и др., а также другие глаголы, обозначающие есть, идти, класть, говорить, петь и др., прилагательные, обозначающие качества: высокий, низкий, глубокий, большой, маленький, короткий, длинный, белый, черный и др.

Следует весьма осторожно подходить к названиям предметов и понятий, связанных с материальной и духовной культурой, с бытом, которые у разных славянских народов имеют много своеобразного и специфического.

Разноязычные названия таких предметов и понятий во многих случаях обозначают не один и тот же предмет или понятие, а лишь сходные, функционально близкие предметы и понятия, т. е. они лишены функционально-семантического тождества. Таковы, например, многие слова, относящиеся к жилому дому и его частям, к утвари и посуде, пище, средствам транспорта, еще более — к исторически сложившимся понятиям из области духовной культуры. Все это может быть очень разным у славянских народов. В подобных случаях следует констатировать отсутствие языкового противопоставления и наличие противопоставления реального, этнографического. Поэтому в подобных случаях в общеславянском лингвистическом атласе возможно изучение соответствующих явлений как языковых различий непротивопоставленных. Карты подобных явлений ставят своей задачей установить наличие данного слова (или данных слов), обозначающих данный предмет или понятие на одной территории при отсутствии этого слова на другой.

Слова, относящиеся к этого рода предметам и понятиям (в особенности, если это слова старые в славянских языках) могут, кроме того, также изучаться в общеславянском лингвистическом атласе с «другого конца» — не с точки зрения функционально-семантической общности, а с точки зрения общности материальной (с вопросом типа «Имеется ли данное слово и каково его значение»), о чем уже было сказано выше.

в) Различительные элементы структурно-типологические в общеславянском лингвистическом атласе существенного значения иметь не могут. Объясняется это рядом причин. Славянские языки очень близки друг к другу как в отношении грамматического строя, так и в отношении исконного словаря. Явлений, возникших под влиянием различных языковых субстратов, сравнительно мало и они носят локальный характер. Так, едва ли целесообразно в общеславянском атласе картографировать так называемую инфинитивную конструкцию «*да* + личная форма глагола», представленную в болгарском, македонском и частично в сербохорватском языках и имеющую аналогию в языках румынском, албанском и новогреческом. Ее место в юнославянском атласе или в атласе языков «балканского союза». В болгарском глаголе под влиянием

турецкого языка возникла особая категория «пересказывательного наклонения», совершенно чуждая славянскому глаголу; и эту особенность одного славянского языка также едва ли было бы разумным включать в общеславянский лингвистический атлас.

Данные вопросы потребуют от составителей программы специального и углубленного изучения.

§ 3. Задачи, стоящие перед составителями общеславянского лингвистического атласа, не могут быть полностью решены без некоторых данных румынского и венгерского диалектов. Как известно, территория Румынии и Венгрии в прошлом была заселена славянскими племенами. На территории Румынии непосредственно соседили южнославянские и восточнославянские племена. На территории Венгрии были различные южнославянские племена, тесно связанные в определенные периоды истории с некоторыми западнославянскими племенами. Следы древних славянских диалектов Румынии и Венгрии сохраняются в какой-то степени в современных диалектах румынского и венгерского языков. Изучение их по программе общеславянского атласа даст возможность в отдельных случаях получить материал для очень древних славянских изоглосс на территории Румынии и Венгрии, т. е. более полно и точно охарактеризовать древнейшее диалектное членение славянских языков. Это касается многих черт фонетики (например, судьбы носовых гласных, ё, групп *tj, dj* и мн. др.), словообразования и лексики. Изоглосса звуковых различий, образовавшихся на месте *tj, dj*, может быть проведена по территории румынских и венгерских диалектов (ср. рум. *maștehă, mejde, nădejde, grajdii*; венг. *pest, mostoha, mesgye*). Однако диалекты этих языков знают и иной результат развития групп *tj, dj*, аналогичный говорам сербохорватского языка. В области словообразования много важных данных для атласа могут дать агентивные суффиксы, уменьшительные суффиксы, глагольные префиксы. Однако больше всего румынские и венгерские диалекты могут дать в области картографирования лексики. Румынский лингвистический атлас обнаружил ряд интересных изоглосс, существенно отличающихся друг от друга некоторые румынские диалекты в области славянской лексики (ср. *brazdă* и *polog* «скошенный ряд травы», *vrană* и *guriță* «мельничный желоб»).

й мн. др.). Румынский и венгерский языки содержат важные сведения также и для картографирования славянской фразеологии. Вот почему мы считаем, что при составлении общеславянского лингвистического атласа нельзя игнорировать некоторые данные румынской и венгерской диалектологии, основанные на материальной общности с соответствующими данными славянской диалектологии. По программе атласа необходимо обследовать несколько румынских и венгерских населенных пунктов из различных районов Румынии и Венгрии. Программа (вопросник) атласа должна содержать специальную инструкцию для тех, кто будет собирать соответствующий диалектный материал. Что касается греческого, албанского, немецкого, итальянского и финского диалектного материала, то привлечение его для общеславянского лингвистического атласа представляется нам нецелесообразным.

§ 4. Транскрипция в частном атласе, посвященном отдельному славянскому языку, и в общем, посвященном всем славянским языкам, должна существенно отличаться, потому что соотносительные явления основаны в первом случае чаще на принципе синхронического тожества, во втором — на принципе тожества диахронического. Правда, в некоторых случаях транскрипция может существенно различаться и при собирании материала даже для атласа одного языка (частного) по разным разделам программы (фонетики, грамматики, лексики). Например, в частном атласе материал, собираемый для характеристики фонетической системы, не может записываться так же, как и материал по лексике (разные названия одного предмета). Если в первом случае нужна фонетическая транскрипция, то во втором нужна транскрипция более обобщенного типа, четко передающая фонематический состав морфем. Сказанное целиком относится и к общему атласу славянских языков, где в еще большей степени окажется необходимость применения обобщенной транскрипции, так как межславянские языковые соответственные явления чаще всего бывают основаны на диахроническом тожестве. Однако и здесь при собирании материала по фонетике в ряде случаев окажется нужной фонетическая транскрипция.

Какой же должна быть эта обобщенная транскрипция? Она должна быть такой, чтобы со всей возможной четко-

стью передать фонематический состав каждой отдельной морфемы, составляющей данное слово в той или другой его форме. Такой транскрипцией может быть морфофонематическая транскрипция, в которой не обозначаются все позиционно обусловленные, не существенные для морфемы качества каждой кратчайшей звуковой единицы. Такая транскрипция в наибольшей мере отвечает диахроническому тожеству, которое является основным для общеславянского лингвистического атласа. Так, например, при противопоставлении результатов развития праславянских дифтонгических сочетаний *tort* или *tolt* в разных славянских языках нецелесообразно отмечать вторичные изменения безударных гласных в полногласных сочетаниях, характерные для части диалектов восточнославянских языков (например, *молокó—мълакó*), или развитие вторичных гласных, характерное для некоторых болгарских говоров. Это бы лишь затемнило существенные диахронические различия между славянскими языками (ср. русские диалектные формы *здрáвые*, *кравáй*, *дрéво* и др., возникшие, видимо, в результате полной редукции гласного, который первоначально находился во втором предударном слоге, или болгарские диалектные *мал'ёку* «молоко», *сарéбру* «серебро», *сарéда* «среда», где гласный *а* возник поздно в определенных сочетаниях, ср. *халéп* «хлеб»).

Итак, для общеславянского лингвистического атласа должны быть разработаны две системы транскрипции: одна — обобщенная, морфофонематическая, передающая с наибольшей четкостью состав фонем в морфеме (для всех разделов, кроме части вопросов в разделе фонетики) и другая — фонетическая (для части вопросов раздела фонетики). Обе эти транскрипции должны быть максимально упрощенными и удобными для пользования в процессе наблюдений над языком.

Для передачи звуков славянских языков мы рекомендуем использовать буквы латинского алфавита с добавлением отдельных букв других алфавитов и ряда диакритических знаков. Следует помнить, что и в нашей практике для всех праславянских реконструкций мы всегда используем буквы латинского алфавита.

Разработка транскрипции для общеславянского лингвистического атласа — дело будущего. В этой работе

должны принять участие диалектологи всех славянских стран. Однако нам представляется целесообразным высказаться в данном докладе по некоторым техническим вопросам транскрипции, обсуждение которых на съезде может помочь в дальнейшем ее составлению.

- а. Назализацию гласных передавать значком ַ под буквой: ə, ę, ą и т. д.
- б. Закрытость гласных передавать значком ָ над буквой ē, ô и т. д.
- в. Долготу гласных и согласных передавать значком : после буквы: a:, o: и т. д.; t:, d:, n: и т. д.
- г. Редукцию гласных передавать значком · под буквой: a, e, ą и т. д.
- д. Неслоговой характер гласных передавать значком „ под буквой: i, ı и т. д.
- е. Ударение в слове передавать значком ' над буквой: à, è, ù и т. д.; побочное ударение не отмечать; в текстах сербохорватских и словенских отмечать не только место ударения, но и его качество; в примерах из западнославянских языков место ударения не отмечать, если оно не представляет отклонений.
- ж. Слоговость сонантов передавать значком ° под буквой: r, l, n и т. д.
- з. Мягкость согласных передавать значком ֹ над буквой, полумягкость — значком ֻ над буквой: t̄, t̄, d̄, d̄ и т. д.;
- и. Шепелявость согласных передавать значком ' над буквой: č, š и т. д.
- к. Аффрикаты передавать не сочетанием букв, а одной буквой: c, č, ž, ź.
- л. Фрикативное задненебное ʐ передавать буквой γ; фарингальное ʐ передавать буквой h; фрикативный задненебный χ передавать χ.
- м. Среднее (европейское) l передавать буквой l, твердое (велярное) l — ɫ.
- и. Билабиальное v передавать буквой w, билабиальное f — буквой φ.
- о. Чередование гласных (в зависимости от долготы) передавать тем способом, какой принят в правописании данного славянского литературного языка: польск. bór, sól, чешск. kón, súl; позиционные изменения согласных передавать фонетически.

Хорошо известно, что в образовании многих звуков наблюдаются более или менее существенные различия по славянским языкам. Так, различается образование сонанта *r*, во многом отлична физиология зубных *t* и *d*, представляет ряд важных отличий звук *χ*. Все эти различия, не имеющие фонологического значения, в транскрипции могут не отмечаться. Их обычно не принимают во внимание даже при изучении диалектов одного языка.

Специально должен быть продуман вопрос, в какой мере и какими способами должны передаваться передвижки артикуляции гласных вперед и назад.

Здесь мы не ставим задачу дать систему транскрипции, нужную для общеславянского лингвистического атласа, а лишь наметили некоторые контуры состава специальных знаков. В дальнейшем необходимо точное установление основных знаков и диакритики с указанием пределов их применения. Для проведения этой работы было бы целесообразно предварительное обсуждение соответствующих вопросов специалистами по отдельным славянским языкам.

§ 5. Собирание материала для общеславянского лингвистического атласа должно производиться методом непосредственного наблюдения над языком и методом прямого опроса. Метод прямого опроса применяется при сборе материала по лексике (разные названия одного предмета) по принципу: «как это называется?» Так как во многих случаях в момент собирания материала может отсутствовать нужный предмет, а в ряде случаев (например, при сборе материала по названиям диких животных и птиц) он всегда будет отсутствовать, вместе с программой (вопросником) необходимо издать серию рисунков (в красках), с помощью которых наблюдатель может задать вопрос: «как это называется?».

Материал по остальным разделам желательно собирать только путем непосредственных наблюдений над языком во время беседы.

В каждом населенном пункте должны быть собраны материалы не менее чем от трех информаторов. От каждого из них должен быть получен материал по возможности на все вопросы программы (вопросника). Среди информаторов должны быть как мужчины, так и женщины. В случае неоднородности материала необходимо привлечь

дополнительных информаторов. В ряде случаев ценный материал могут дать дети дошкольного возраста.

Если в материалах по данному населенному пункту представлены различные варианты, то весьма желательны пометы о том, какой вариант употребляется реже, какой чаще, или какой бытует в языке старшего поколения, а какой, напротив, младшего, какой чаще употреблялся прежде и какой употребляется теперь и т. д.

§ 6. Общеславянский лингвистический атлас не ставит своей целью равномерно охватить по единой сетке всю территорию распространения славянских языков. Однако сетка должна быть такой, чтобы были представлены все основные диалекты каждого славянского языка.

Густота сетки в той или иной части территории распространения славянских языков зависит от ряда разнообразных факторов: 1) от степени диалектной дробности, глубины диалектных различий в нем; 2) от размеров территории данного языка; 3) от плотности населения; 4) от количества говорящих на данном языке. При всей важности каждого из перечисленных факторов, основным среди них является фактор собственно языковой — степень диалектной дробности языка. Поэтому при установлении количества подлежащих обследованию населенных пунктов, например для русского и словенского языков, нельзя исходить только из территории того или другого языка и из количества говорящих на русском и словенском языках, а прежде всего надо учесть значительно более глубокую диалектную дробность словенского языка сравнительно с русским. Поэтому словенский язык должен получить количество населенных пунктов не пропорциональное размерам его территории и количеству населения, а значительно большее.

Исходя из изложенных выше соображений можно было бы рекомендовать следующее число населенных пунктов по отдельным языкам для атласа:

русский язык	100
украинский язык	60
белорусский язык	40
польский язык	80
лужицкие языки	20
чешский язык	60

словацкий язык	40
словенский язык	40
сербохорватский язык . . .	60
македонский язык	30
болгарский язык	50

Принимая во внимание ценность для общеславянского атласа некоторых показаний румынского и венгерского языков, необходимо обследовать кроме того по 30 населенных пунктов на территории Румынии и Венгрии.

Итак, общее число населенных пунктов общеславянского лингвистического атласа, по нашему мнению, должно составлять 640. Конечно, данный вопрос окончательно может быть решен специалистами на последующих этапах работы, после всестороннего изучения вопроса.

Естественно, что выбор населенных пунктов по каждому языку должен быть сделан специалистами по данному языку. При наличии частного лингвистического атласа или материалов к нему эта задача может быть решена сравнительно легко и быстро.

§ 7. Общеславянский лингвистический атлас должен быть создан силами лингвистов-диалектологов всех славянских стран. Так как подобного по типу атласа еще не было и так как в работу по его созданию должно быть вовлечено большое количество лингвистов разных стран, с разной подготовкой, с разными лингвистическими на-выками, предварительная теоретическая и организационно-методическая разработка вопроса приобретает особенно большое значение. В связи с этим необходимо избрать специальный Комитет, в состав которого должны войти специалисты по всем славянским языкам, представляющие разные страны.

Ближайшими задачами Комитета должны явиться: составление программы (вопросника), разработка транскрипции, установление списка подлежащих обследованию пунктов по всей территории атласа и, наконец, выработка рекомендаций по вопросам методики сбора диалектного материала. Наиболее трудной задачей является первая — составление программы (вопросника) атласа. Следовало бы рекомендовать окончательно утвердить проект программы (вопросника) лишь после проведения ряда пробных экспедиций.

Коллектив, который будет работать над общеславянским лингвистическим атласом, должен быть укомплектован из числа диалектологов и специалистов по сравнительно-исторической грамматике славянских языков разных стран.

Комитет атласа явится высшим органом, руководящим всей работой по атласу, организующим обсуждение работы над атласом на разных его этапах путем созыва международных совещаний. Комитет явится также и редакционной коллегией атласа.

Вопрос о создании общеславянского лингвистического атласа уже ставился на предшествующих съездах славянских филологов. Однако ничего реального в этом направлении не было сделано. В настоящее время созданы объективные условия для того, чтобы это важнейшее совместное предприятие огромного научного и культурного значения было наконец осуществлено.

